

Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия*

Рукинов М. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a97440533@protonmail.com

РЕФЕРАТ

В статье выполнен анализ структуры антироссийских санкций с точки зрения их цели и используемых инструментов. Показано, что санкции направлены на ограничение притока финансов в России и на противодействие технологическому развитию нашей страны. Выполнен анализ политики импортозамещения как инструмента противодействия санкциям, показана ее ограниченность. Сформулированы рекомендации по разработке комплексной антисанкционной стратегии.

Ключевые слова: санкции, импортозамещение, внешний рынок, финансовая система

Anti-Russian Sanctions: Structure and Strategies of Counter-Action

Maksim V. Rukinov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; a97440533@protonmail.com

ABSTRACT

The paper contains an analysis of the structure of the anti-Russian sanctions from the point of view of their goals and tools that are used. It is demonstrated that the sanctions aim at the limitation of capital inflow into Russia and at countering technological development of our country. The policy of substitution of import as an anti-sanction tool is analyzed. It is demonstrated that this policy is limited. Recommendations for the complex anti-sanction strategy are formulated.

Keywords: Sanctions, substitution of import, external market, financial system

После 2014 г. против Российской Федерации применяются непрерывно ужесточающиеся меры экономического и политического давления (санкции), цель которых заключается в принуждении нашей страны к отказу от самостоятельной политики [23]. Сущность этих санкций состоит в ограничении доступа России к мировому рынку, что не позволяет нашей стране использовать потенциал глобальной экономики в интересах собственного развития. Эффективность такого санкционного подхода основывается на том, что после 1991 г. Россия стала участником мировой системы разделения труда (к сожалению, на достаточно невыгодных для себя условиях), что привело к ее экономической зависимости от мировых рынков (на которых наша страна либо приобретает необходимые ей ресурсы, в том числе и для обеспечения функционирования стратегических отраслей, таких, как нефтегазовый комплекс или ОПК [10; 15], либо продает свою продукцию и тем самым обеспечивает себе валютную выручку).

С момента начала активного санкционного давления против нашей страны прошел уже достаточный срок, который позволяет выполнить как анализ сущности санкционных мер, так и эффективности антисанкционной политики Российской Федерации).

* ГРНТИ 06.51.51.

Действующие санкционные ограничения проявляются в ряде форм (мы не рассматриваем запреты на поставки в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации и говорим лишь о санкциях, которые затрагивают хозяйствующих субъектов за пределами военной организации РФ) [7; 11; 14].

1. Запрет (или жесткие ограничения) на поставки в Россию высокотехнологичных товаров и услуг в целях снижения эффективности национальной экономики и ограничения экономического потенциала нашей страны [17] (и, как следствие, финансовой базы государственного бюджета). Этот запрет охватывает, в частности, современное прецизионное машиностроительное оборудование, передовые технологии для нефтегазовой промышленности и т.д. Его следствием является усложнение технического перевооружения промышленных предприятий, замедление ввода в эксплуатацию новых месторождений, невозможность выпуска высокотехнологичной продукции (в частности, продукции ОПК) и т.д. Фактически речь идет о консервации технологической отсталости нашей страны. Запрет на поставки технологий для нефтегазового комплекса хорошо известен, в качестве еще одного примера можно привести запрет на продажу материалов для производства крыльев для совместного российско-китайского авиалайнера МС-21.

Необходимо отметить, что США вместе со своими союзниками после 1945 г. (когда в полной мере была осознана важность технологий для обеспечения экономического роста) активно противодействовали технологическому развитию тех стран, в которых они видели угрозу своему экономическому лидерству и реализовывали стратегию контролируемого технологического отставания (организационным инструментом осуществления которой был КОКОМ) [18]. Даже после отказа СССР от противостояния и последующего распада социалистической системы ограничения на поставку высокотехнологичной продукции в Россию сохранялись (что не позволяло нашей стране занять значимое место в глобальных производственных цепочках [9]). Таким образом, действующие сейчас против России санкции не являются чем-то новым — речь идет об ужесточении политики технологических ограничений, но не о принципиально новой стратегии США и их союзников в отношении нашей страны.

2. Запрет на долгосрочное финансирование ключевых банков и предприятий нефтегазового сектора, что усложняет финансирование национальной экономики и наносит косвенный удар по бюджету РФ (который вынужден замещать за счет собственных ресурсов выпавшее внешнее финансирование). Санкционные ограничения в этой области будут непрерывно расширяться, в частности, обсуждаются перспективы запрета на операции с государственным долгом нашей страны.

3. Запрет на сотрудничество зарубежных покупателей с предприятиями российского ОПК (примерами могут быть запрет на проведение платежей в долларах США для «Росвооружения», открытое противодействие поставкам российских комплексов ПВО С-400 в адрес Турции и Индии и т.д.). Сущность этих мер заключается в ограничении финансирования российского ОПК за счет международных продаж (что косвенно препятствует инновационному развитию российской экономики в целом, поскольку отечественный ОПК является одной из немногих отраслей, в которой сохранилась ориентация на технологические инновации собственной разработки), удорожании военной техники для ВС РФ (снижение международных продаж устранил эффект экономии на масштабе производства в ОПК) и снижении эффективности ОПК в целом (что приведет к падению обороноспособности России).

4. Противодействие наращиванию российского нефтяного и газового экспорта (самым ярким примером выступает давление на газопровод «Северный поток-2»). Суть этих мер аналогична запрету на экспорт нефти и газа, наложенному на Иран, — ограничение притока денег в российскую экономику, подрыв ее ресурсной обеспеченности, создание дисбаланса между потребностями государства и нацио-

нальной экономики в целом в финансировании и возможностями привлечения финансовых ресурсов.

Отметим, что перечисленные выше меры не только снижают эффективность российской экономики, но и прямо или косвенно подрывают обороноспособность нашей страны [10]. Это происходит за счет:

- недопущения к технологиям и элементной базе, необходимым для производства вооружений и военной техники;
- сокращения возможностей финансирования ОПК и, как следствие, урезания оборонных программ (примером может быть отказ от разработки межконтинентальных ракет железнодорожного базирования «Баргузин»);
- ограничения возможностей международных продаж российской военной техники и вооружений, что снижает эффективность ее производства и приводит либо к росту затрат российского бюджета на ее разработку и приобретение, либо к отказу от производства отдельных моделей.

Таким образом, санкции имеют комплексный характер. Однако в данном исследовании мы будем анализировать преимущественно экономические аспекты санкций.

Проделанное выше описание направлений санкционного давления на российскую экономику позволяет установить структуру санкций с точки зрения тех целей, для достижения которых осуществляется давление, и используемых инструментов санкционного принуждения (см. табл). Уточним, что в таблице речь идет об экономических целях давления, но эти цели являются промежуточными (общей и конечной целью давления является принуждение России к отказу от своего внешнеполитического курса; имеет место ориентация на принуждение России к отказу от политического суверенитета путем лишения ее суверенитета экономического).

Анализ таблицы позволяет произвести предварительную оценку эффективности мероприятий по противодействию санкционному давлению.

В качестве ведущей антисанкционной стратегии в нашей стране выступает импортозамещение, т. е. развитие собственных производств тех ресурсов, в доступе к которым России откато. Выбор такой стратегии очевиден, поскольку нашей стране в ситуации невозможности приобретения этих ресурсов на мировом рынке необходимо найти их альтернативный источник [3; 5; 6; 8; 12; 16; 19; 20; 22]. Интересно отметить, что по отдельным видам ресурсов Россия сама стимулирует импортозамещение, введя запрет на их поставки из-за рубежа (речь идет о продовольственном эмбарго и опирающемся на него аграрном импортозамещении [21]).

Приоритетом является создание в нашей стране инновационных промышленных производств, позволяющих сформировать полноценные цепочки создания ценности по выпуску высокотехнологичной продукции в интересах ключевых отраслей отечественной экономики (нефтегазовый комплекс, включая разведку, добычу, переработку и транспортировку, особое значение имеет освоение технологии сжижения газа; горнодобывающая промышленность; ОПК; авиастроение, где остро стоят вопросы автоматизации, микроэлектроники и материаловедения; станкостроение и т. д.). Определенные успехи в этом направлении достигнуты, в частности, активно развиваются нефтегазовые технологии [13], постепенно создается спрос на продукцию отечественного станкостроения со стороны предприятий ОПК и т. д. Важным результатом следует считать готовность отечественной промышленности обеспечить композитными материалами проект МС-21 (интересно, однако, что работа над импортозамещающими композитами началась задолго до введения санкций против этого проекта, но при этом вплоть до самого последнего момента оператор проекта все равно ориентировался на поставки композитов из-за рубежа).

Структура мер экономического давления на Россию
 Table. Structure of measures of economic pressure upon Russia

		Цель давления	
		Ограничение притока финансов в Россию	Ограничение технологического развития России
Инструменты давления	Ограничения на поставку в Россию	I. Запрет на долгосрочное финансирование российских банков и компаний. Запрет (перспективный) на операции с госдолгом России	II. Запрет на поставки российским компаниям передовых технологий и высокотехнологичного оборудования в ряде отраслей
	Ограничения на поставки из России	III. Противодействие экспорту нефти и газа из России	IV. Противодействие экспорту продукции российского ОПК

Последний эпизод иллюстрирует тот факт, что, несмотря на заявленную важность импортозамещения, при реализации стратегических проектов в нашей стране предпочтение зачастую отдается закупкам у иностранных поставщиков (из государств, не присоединившихся к санкциям против России или даже из государств, которые поддерживают санкции, — в надежде на то, что санкции соответствующие поставки затронут не сразу) вместо размещения заказов у отечественных производителей (даже в тех случаях, когда в нашей стране уже существуют или создаются собственные производства). Вероятно, это связано с более высокой репутацией иностранных поставщиков и с меньшими рисками покупателей, а также с тем, что иностранные компании могут предложить более выгодные условия продажи. Иными словами, стратегия импортозамещения реализуется не в полном объеме, и к подлинному импортозамещению предприятия приступают нередко только в том случае, когда доступ к иностранной продукции закрыт. Это позволяет говорить о том, что в отечественной экономике формируются две группы компаний:

- лидеры рынка, которые предпочитают закупать продукцию у проверенных иностранных поставщиков;
- инноваторы, которые на свой страх и риск инвестируют в разработку импортозамещающей продукции даже при отсутствии заказов со стороны потенциальных потребителей (упомянутых выше лидеров).

Проблема заключается в том, что поддержка инноваторов со стороны лидеров минимальна, и необходимо принимать меры к тому, чтобы российские компании (в первую очередь — компании с государственным участием) переходили к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающей продукции и инициировали создание импортозамещающих производств, не дожидаясь введения санкций.

Тем не менее импортозамещение в сфере передовых технологий устраняет (или, точнее, в перспективе позволит устранить) лишь те негативные эффекты санкций, которые связаны с квадрантом II табл. Ясных стратегий, которые позволили бы элиминировать риски, связанные с остальными квадрантами табл., пока предложено не было. Ниже мы рассмотрим, как отсутствие этих стратегий препятствует обеспечению национальной экономической безопасности и какие угрозы оно создает для реализации стратегии импортозамещения. Важность последнего аспекта хотелось бы подчеркнуть особо. Санкции, направленные на подавление экономи-

ческого потенциала нашей страны, несут комплексный характер. Столь же комплексными должны быть и меры противодействия им. Если противодействие санкциям будет точечным, то, во-первых, полностью нейтрализовать негативный эффект санкций не удастся и, во-вторых, сами эти точечные меры не будут достаточно успешными из-за того, что они не поддерживаются другими антисанкционными мероприятиями.

Прежде всего, импортозамещение, осуществляемое исключительно в интересах российской экономики для обеспечения ее технологиями собственной разработки, альтернативными западным, в современных условиях будет заведомо неэффективным и ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет. Фактически есть риск того, что проводимое импортозамещение превысит возможности национальной экономики и подорвет ее — в полном соответствии с ожиданиями государств, вводящих против России санкции. Именно перенапряжение российской экономики, по мнению специалистов Rand Corporation, должно стать главным оружием США и их союзников в разворачивающемся геополитическом противостоянии [24], и проводимое импортозамещение, т. е., по сути дела, дублирование в локальном масштабе глобальных производственных цепочек может быть эффективным инструментом такого перенапряжения.

Экономика в настоящее время носит глобальный характер, и задача отдельных национальных экономик заключается не в выстраивании автаркического хозяйства, а в использовании преимуществ глобального разделения труда [9; 12]. Полностью замкнутые в пределах одной страны производственные цепочки (которые сейчас выстраиваются в нашей стране) будут заведомо неэффективны по сравнению с глобальными производствами. Эта неэффективность обуславливается тем, что глобальные цепочки, во-первых, получают выгоду от наиболее эффективного размещения производств в разных странах, и, во-вторых, получают гораздо большую экономию на масштабе. В случае национальных производственных цепочек эти факторы отсутствуют. Это означает, что нашей стране необходимо сохранять хозяйственные связи с иностранными компаниями из дружественных России государств в рамках единых цепочек создания ценности, но при этом развивать в нашей стране те этапы производств, которые имеют стратегическое значение для национальной экономической безопасности. Иными словами, необходимо находить оптимальный с точки зрения долгосрочных интересов нашей страны баланс внешних и внутренних ресурсов. Пока же такой баланс не найден. Либо декларируется стремление к полному импортозамещению (и это ведет к тому, что импортозамещение будет осуществляться ради импортозамещения, поскольку это позволяет осваивать средства и позволяет прикрыть рыночные провалы декларациями об ориентации на стратегические интересы государства), либо сохранится старая модель использования исключительно иностранных ресурсов (изменились лишь страны, из которых осуществляются поставки).

Далее, рынок нашей страны сравнительно невелик по сравнению с ведущими экономическими центрами мира (Евросоюз, США, Китай) и предполагаемый объем спроса на импортозамещающую продукцию будет мал. Это означает, что необходимо обеспечить сбыт производимой продукции на мировом рынке, т. е. развивать экспорт (с похожей проблемой столкнулись российские аграрии, которые нарастили производство свыше возможностей отечественного рынка, и в настоящее время вынуждены развивать международные продажи в условиях достаточно жесткой конкуренции; их рентабельность сильно сократилась из-за перенасыщения российского рынка, и ряд крупных компаний закрыли отдельные направления или полностью прекратили свою деятельность). Однако США и их союзники будут стремиться перекрыть возможности сбыта российской продукции — как из-за стремления подавить экономический потенциал нашей страны, так и из-за желания не

допустить конкуренции со стороны российских производителей (как это имеет место в случае проекта МС-21).

Ключевой задачей в этом случае становится формирование внешнего рынка для сбыта отечественной продукции, защищенного от потенциальных санкций. Аналогом такого рынка во времена СССР была мировая социалистическая система, в рамках которой в первую очередь осуществлялись произведенные в социалистических странах товары с высокой добавленной стоимостью (в том числе и высокотехнологичные). В этом контексте следует подчеркнуть особо политику Китая, поскольку он в настоящее время сам выстраивает собственный международный рынок для обслуживания своих экономических интересов на основе проекта «Один пояс, один путь». Это показывает, что даже государство со столь емким внутренним рынком, как Китай, нуждается во внешних партнерах для сбыта своей продукции, чтобы обеспечить эффективность своей экономики, и подтверждает наш тезис о необходимости выстраивания для России собственного внешнеэкономического рынка для сбыта конечной продукции.

Сразу следует уточнить, что в качестве такого внешнего рынка не может выступать Китай. Он заинтересован в использовании России как рынка сбыта и как ресурсной базы для своей экономики. Те же высокотехнологичные товары, которые Россия может ему предложить, Китай предпочтет не закупать, а копировать.

Энтузиазм относительно перспектив сотрудничества с Китаем, который нередко демонстрируется в российских аналитических работах и новостных публикациях, нам представляется неоправданным. Китай не заинтересован в выстраивании долгосрочных отношений с Россией в ущерб отношениям с США. Китай не будет — в силу разницы в масштабах экономики — рынком сбыта для нашей страны. Наконец, простая переориентация на Китай тех торговых потоков, которые раньше имели место или предполагались со странами, оказывающими санкционное давление на Россию, будет означать замещение зависимости от одних рынков сбыта (Европа) зависимостью от других рынков, но только зависимостью более жесткой, поскольку Пекин не преминет воспользоваться изоляцией России в своих интересах [15].

Это означает, что гипотетическое российское внешнеэкономическое пространство должно быть достаточно диверсифицированным, чтобы избежать зависимости от одного партнера.

В настоящее время такой рынок теоретически может быть создан на основе стран, проводящих независимую от коллективного Запада политику, но при этом не претендующими на то, чтобы стать самостоятельными центрами силы (как это имеет место в случае Китая и Индии), но, с другой стороны, обладающих достаточно емкими рынками, на которых российская продукция будет конкурентоспособной. Проблема, однако, заключается в том, что эти страны в большинстве своем либо неплатежеспособны (Куба, Венесуэла, КНДР), либо их самостоятельная политика не имеет под собой никаких иных оснований, кроме устремлений их диктаторского руководства (иными словами, она не подкреплена экономическими и политическими факторами), и сотрудничество с Россией будет исключительно конъюнктурным и привязанным к фигуре правителя, либо по своему технологическому потенциалу сопоставимы с Россией и сами стремятся к лидирующим позициям (Турция, Бразилия; в частности, Турция заинтересована не просто в покупке российской военной техники, а в локализации военных производств), либо за них конкурируют иные центры силы, кроме России (большую активность проявляет Китай), либо они находятся на большем удалении от России, что затрудняет взаимные поставки (ЮАР). Разумеется, для отдельных государств эти факторы совпадают. Это сильно ограничивает выбор потенциальных направлений сотрудничества. Безусловно, партнерство надо раз-

вивать даже с такими неудобными контрагентами, но при этом всецело обеспечивая экономические и политические интересы нашей страны (так, как это делает Китай, который получает контроль над значимыми активами в тех странах, в которых реализует свои проекты).

Наиболее перспективным, на наш взгляд, с точки зрения сбыта высокотехнологичной продукции в настоящее время выступает партнерство с такими странами, как Пакистан, Бангладеш и Вьетнам. Несмотря на то, что на доминирование на этих рынках ориентируется Китай, эти государства сами по себе достаточно крупны с экономической точки зрения, чтобы быть заинтересованными в наличии альтернативного центра силы среди своих партнеров. Эта ориентация соответствует декларируемому «повороту на Восток» [4].

Что касается экспорта сырьевых товаров, и прежде всего — нефти и газа, то необходимо, помимо сохранения доли рынка в Европе, стремиться обеспечить поставки в Юго-Восточную Азию (в первую очередь — сжиженного природного газа). При этом, разумеется, следует наращивать глубину переработки российского сырья, чтобы максимизировать валютную выручку и уйти от конкуренции исключительно на сырьевом рынке. Приоритетными направлениями аграрного экспорта выступают, по нашему мнению, также страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки.

Логичным было бы выстраивать внешний рынок на основе ЕАЭС, однако входящие в него государства, несмотря на дружественные декларации, проводят по отношению к России очень осторожную внешнюю политику и находятся под сильным влиянием других центров силы (ЕС, США, Китай). Кроме того, будучи в прошлом частью СССР, они опасаются усиления экономических позиций России у себя, поскольку воспринимают это как угрозу своему суверенитету. Наконец, зная о заинтересованности России в политическом сотрудничестве, эти страны склонны выставлять завышенную цену (в частности, в виде экономических преференций) за возможность партнерства (которое, к тому же, чаще всего является не реальным, а фиктивным; наглядным примером служит Белоруссия, активно противодействующая соблюдению режима продовольственного эмбарго, но при этом длительное время получавшая высокие доходы от реэкспорта российской нефти и нефтепродуктов). Безусловно, работу над сотрудничеством с этими государствами следует продолжать, однако чрезмерные надежды с ними связывать не стоит.

Однако даже выстраивание собственного международного рынка сбыта устраняет только проблемы, связанные с квадрантами III и IV, при этом нерешенным остается вопрос с финансовым обеспечением российской экономики (квадрант I). Предполагается, что его также можно решить при помощи импортозамещения, т. е. замещения внешних источников денежных средств внутренними, однако на практике этого не произошло. Полноценная самостоятельная финансовая система в нашей стране еще не выстроена. Банки крайне настороженно относятся к кредитованию бизнеса. В настоящее время основным источником финансирования народного хозяйства становится государство (либо напрямую, либо через квази-государственные банки). Хотя важность госбюджета как источника финансирования отрицать нельзя [1], его также не следует рассматривать в качестве ведущего источника средств для национальной экономики, а сейчас имеет место именно такая ситуация. Это ограничивает потенциал роста и, кроме того, ведет к перекосу стимулов при отборе проектов для финансирования. Еще сильнее ухудшает ситуацию жесткая антиинфляционная политика Банка России, которая ограничивает доступ хозяйствующих субъектов к финансированию.

По этой причине первоочередной задачей следует признать создание собственной финансовой системы, а также обеспечение альтернативного доступа к внешним

источникам финансирования (из-за ограниченности существующих возможностей российского финансового рынка и банковской системы). В противном случае наша страна столкнется с нехваткой финансовых ресурсов для проведения антисанкционных мероприятий [2]. На остроту этой проблемы (и отсутствие реальных возможностей ее устранения) указывает то, что руководство Банка России готово в качестве инструмента организации доступа к международному финансированию рассматривать такие экзотические варианты, как создание специальной криптовалюты (что создает нежелательные ассоциации с Венесуэлой, где национальная криптовалюта также рассматривалась в качестве универсального способа борьбы с кризисом). Более разумным вариантом выглядит создание разного рода банков развития в рамках тех организаций и неформальных объединений, участником которых является Россия (в частности БРИКС), однако ресурсные возможности таких банков пока ограничены.

Мы можем сформулировать следующие выводы:

- санкции против России с точки зрения направлений их действия можно разделить на ограничения на поставки в Россию и ограничения на поставки из России, а с точки зрения целей — на санкции, ограничивающие приток финансов в Россию, и санкции, препятствующие технологическому развитию российской экономики;
- санкции против России носят комплексный и взаимосвязанный характер и ориентируются на причинение максимального ущерба российской экономике;
- основной акцент в стратегии противодействия санкциям делается на импортозамещении, однако крупные компании-лидеры российской экономики интерес к импортозамещению проявляют в недостаточной степени, предпочитая сотрудничать с проверенными поставщиками. Необходимо принять меры по стимулированию импортозамещающей политики путем побуждения российских заказчиков к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающих товаров;
- к реализации стратегии импортозамещения необходимо подходить взвешенно. Не следует стремиться дублировать в условиях ограниченного российского рынка максимальное число глобальных производственных цепочек. Необходимо стремиться с учетом действующих санкционных ограничений использовать преимущества глобального разделения труда;
- стратегия противодействия санкциям может быть охарактеризована как точечная, не позволяющая нейтрализовать все негативные эффекты санкций. Следует принять меры по приданию ей комплексного характера за счет выстраивания экспортных рынков для российской продукции и формирования эффективной финансовой системы.

Литература

1. *Аганбегян А. Г.* Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 142–151.
2. *Аганбегян А. Г., Ершов М. В.* О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. 2013. № 6. С. 3–11.
3. *Афонцев С. А.* Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2016. № 1. С. 13–19.
4. *Братерский М. В., Кутырев Г. И.* Россия между двух систем: перспектива транзита из атлантического мира в мир евразийско-тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 220–240.
5. *Василенко Т. А.* К вопросу о перспективах импортозамещения в России // Сибирская финансовая школа. 2016. № 1. С. 69–72.

6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 38–47.
7. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10. С. 24–32.
8. Гусев М. С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. С. 30–43.
9. Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 17–30.
10. Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. 2015. № 3. С. 22–28.
11. Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 67–77.
12. Загашвили В. С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 137–148.
13. Кершенбаум В. Я. Направления импортонезависимости в нефтегазовом комплексе России // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2016. № 1. С. 9–10.
14. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
15. Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 45–64.
16. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 72–77.
17. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45–56.
18. Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
19. Левченко Л. В., Иванова Н. И. Стратегии импортозамещения в мировой экономике: уроки для России // Экономические науки. 2016. № 138. С. 125–128.
20. Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 40–49.
21. Хайруллина О. И. Оценка влияния продовольственного эмбарго на рынок мяса // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 2. С. 75–84.
22. Харитоновна Е. В. Теоретические аспекты импортозамещения как модели развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 2. С. 85–92.
23. Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1. С. 36–39.
24. Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B. et al. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019. Available online at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.

Об авторе:

Рукинов Максим Владимирович, докторант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; a97440533@protonmail.com

References

1. Aganbegyan A. G. How the State Budget Can Become a Locomotive of the Socio-Economic Development of the Country // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 7. P. 142–151. (In rus)

2. Aganbegyan A. G., Ershov M. V. On the Relationship between Monetary and Industrial Policy in the Activity of the Russian Banking System // Money and Credit [Den'gi i kredit]. 2013. N 6. P. 3–11. (In rus)
3. Afontsev S. A. Perspectives of import substitution in the Russian economy // Bulletin of Omsk University. Ser.: Economy [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika]. 2016. N 1. P. 13–19. (In rus)
4. Bratersky M. V., Kutuyev G. I. Russia between two systems: the prospect of transit from the Atlantic world to the Eurasian-Pacific world // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2019. Vol. 12. N 1. P. 220–240. (In rus)
5. Vasilenko T. A. On the Question of the Prospects for Import Substitution in Russia // Siberian Financial School [Sibirskaya finansovaya shkola]. 2016. N 1. P. 69–72. (In rus)
6. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Import Substitution: Theoretical Foundations and Prospects for Implementation in Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11. P. 38–47. (In rus)
7. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Sanctions in the context of globalization and their impact on the economic development of Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 10. P. 24–32. (In rus)
8. Gusev M. S. Import Substitution as a Strategy for Economic Development // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2016. N 2. P. 30–43. (In rus)
9. Dementiev V. Ye., Novikova Ye. S., Ustyuzhanina Ye. V. Russia's place in global value chains // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2016. N 1. P. 17–30. (In rus)
10. Erasova E. A., Plotnikov V. A. Prospects for the development of the defense-industrial complex of Russia in the context of economic sanctions // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 3. P. 22–28. (In rus)
11. Zagashvili V. S. Western sanctions and the Russian economy // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. V. 59. N 11. P. 67–77. (In rus)
12. Zagashvili V. S. Foreign experience of import substitution and possible conclusions for Russia // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2016. N 8. P. 137–148. (In rus)
13. Kershenbaum V. Ya. Directions of import independence in the oil and gas complex of Russia // Quality management in the oil and gas complex [Upravlenie kachestvom v neftegazovom komplekse]. 2016. N 1. P. 9–10. (In rus)
14. Klinova M. V., Sidorova E. A. Economic sanctions and their impact on the economic relations of Russia with the European Union // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2014. N 12. P. 67–79. (In rus)
15. Kotlyarov I. D. The outsourcing model of the organization of the Russian oil and gas industry: problems and solutions // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 9. P. 45–64. (In rus)
16. Kurbanov A. Kh., Naruzhnyi V. Ye. Prospects for the implementation of the import substitution program in the interests of the defense-industrial complex of Russia in modern conditions // Problems of the Modern Economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2015. N 3. P. 72–77. (In rus)
17. Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. The economic potential of the country as an economic category // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2016. N 3. P. 45–56. (In rus)
18. Levin M. I., Sheveleva I. V. Memoirs about the Future: Technology Transfer and the Experience of the Cold War // Finance and Business [Finansy i biznes]. 2017. N 2. P. 54–65. (In rus)
19. Levchenko L. V., Ivanova N. I. Strategies for import substitution in the global economy: lessons for Russia // Economic Sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2016. N 138. P. 125–128. (In rus)
20. Manturov D. V., Nikitin G. S., Osmakov V. S. Planning for Import Substitution in Russian Industry: The Practice of Russian Government // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2016. N 9. P. 40–49. (In rus)
21. Khairullina O. I. Assessment of the impact of the food embargo on the meat market // Economics of Agriculture of Russia [Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii]. 2019. N 2. P. 75–84. (In rus)
22. Kharitonov Ye. V. Theoretical Aspects of Import Substitution as a Model for the Development of the Russian Economy // Social and Economic Phenomena and Processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2018. Vol. 13. N 2. P. 85–92. (In rus)

23. Kharlamova A. A. The emergence of new threats to the economic security of Russia // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. N 1. P. 36–39. (In rus)
24. Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B. at al. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019. Available online at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.

About the author:

Maksim V. Rukinov, Doctoral candidate of the Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; a97440533@protonmail.com